

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ЧЕХОВА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

ЧЕХОВ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ**С. Б. Евдокимова**

В одном из своих писем из Ниццы Чехов пишет: «Природа здешняя меня не трогает, она мне чужда, но я страстно люблю тепло, люблю культуру... А культура прет здесь из каждого магазинного окошка, из каждого лукошка; от каждой собаки пахнет цивилизацией» (П 7, 98). Чехов удивляется европейской вежливости:

«За границей стоит пожить, чтобы поучиться здешней вежливости и деликатности в обращении. Горничная улыбается, не переставая; улыбается, как герцогиня на сцене, — и в то же время по лицу видно, что она утомлена работой. Входя в вагон, нужно поклониться; нельзя начать разговор с городовым или выйти из магазина, не сказавши “bonjour”. В обращении даже с нищими нужно прибавлять “monsieur” и “madame”» (П 7, 64).

Любопытно не только, как Чехов использует иронично почти оксиморонное сочетание «культура прет», а другое: невозможно представить себе, чтобы, например, Пушкин или

Евдокимова Светлана Борисовна — доктор философских наук, профессор славистики и сравнительного литературоведения, университет Браун, США

Тургенев удивлялись «культуре» французов или тому, что в разговоре необходимо прибавлять «monsieur» и «madame».

Только ли дело в том, что Чехов вырос в другой среде и не научился хорошо говорить по-французски, что он не был аристократом, о чем он никогда не забывал и даже шутливо подчеркивал, например, в письме к брату Александру: «Бедный родственник! В то время как я живу в Западной Европе с аристократами и кушаю устриц и тюрбо, ты должен есть чечевицу и помнить, кто ты есть» (П 7, 64). Дело, разумеется, не только в его собственном опыте и социальном происхождении. Чехова удивляет то, что было также непривычно для большинства представителей интеллигенции того времени, а именно общий уровень жизни и воспитания в Европе.

Что же произошло с образованной частью русского общества за всего лишь несколько десятилетий? Очевидно, что писатели пушкинской поры принадлежали западной культуре; и существенной разницы между русской элитой и западной не было. Однако, Чехов пишет не только о французских аристократах, но о магазинном окошке и лукошке, из которых «прет» культура. Что же он подразумевает под культурой?

И в письмах, и в произведениях Чехова слово «культура» встречается чрезвычайно часто и играет важную роль как в наставлениях Чехова по поводу невоспитанности и некультурности многих из окружающих его людей, так и в «теоретических» рассуждениях многих героев его произведений, таких, как, например, «Ариадна», «Дом с мезонином», «Дуэль», «Три года», «Моя жизнь» и др.

Следует отметить, что проблема культуры была одной из самых серьезно обсуждаемых проблем его времени и в Европе, и в России. Чуть позднее, в начале 20 века, в своей статье «Проблема культуры», включенной в книгу теоретических работ «Символизм» (1910), Андрей Белый прямо ставит этот вопрос в центр внимания современности: «Вопрос о том, что такое культура, есть вопрос наших дней» [1, 45]. При этом слово «культура» могло обозначать по крайней мере несколько разных понятий. Более того, само слово «культура» вошло в обиход в России довольно поздно. Как отмечается исследователями, впервые оно появляется лишь с середины 30-х годов 19 века. В словаре И. Ренофанца 1837 года («Карманная книжка для любителя чтения русских книг, газет и журналов») выделялось два значения: «хлебопашество, земледелие» и «образованность» (см. Черных [10, 453]). Первое значение было связано с его изначальным значением (агрикультура), восходящим к латинскому *cultura*, производном от *colere*, «возделывать, обрабатывать, почитать» и *cultus*, «уход, почитание, преклонение». В латинских источниках слово встречается в трактате Марка Порция Катона Старшего "De agri cultura". В переносном значении слово «культура» употреблял Цицерон, говоря о «возделывании», или «культуре души» (*cultura animi*) с целью развития философской души как высшей точки человеческого самосовершенствования. Американский философ Ричард Велкли подводит итог эволюции слова «культура», обращая внимание как на его изначальное значение, так и на его позднейшее развитие, которое он связывает с немецкой идеалистической философией 18 века: «изначально обозначая возделывание души или разума, оно

приобретает большую часть своих последующих значений в трудах немецких мыслителей 18 века, которые на разном уровне развивали критику “современного либерализма и Просвещения” Руссо» [13].²

Однако, до указания П. Я. Черных на «Карманную книжку для любителя чтения русских книг, газет и журналов» Ренофанца и статьи Л. А. Сугай на эту тему [8], в которой автор обращает внимание на еще один важный источник (работу академика и профессора медико-хирургической академии Д. М. Велланского «Основные начертания общей и частной физиологии или физики органического мира», которая, как считает автор, ввела слово «культура» в научный обиход), считалось, что лексема «культура» впервые была зарегистрирована в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издаваемом Н. Кириловым (СПб., 1845–1846) [8, 1]. А это, в свою очередь, означает, что и в конце сороковых слово это не имело широкого распространения.

Дело не в том, что иностранное слово в его латинском, немецком или французском вариантах не было знакомо русским (конечно, было), а в том, что эта категория не была в центре внимания, а потому и не отразилась в языке. Даже в 1863–1866 гг. в «Толковом словаре живого великорусского

² Так, например, Иоганн Готфрид Гердер, говоря о «воспитании человеческого рода», указывает на его «генетический» и «органический» аспекты и подчеркивает этимологическую связь культуры с земледелием : «Мы можем при желании дать этому второму рождению человека, проходящему сквозь всю его жизнь, название, связанное либо с обработкой земли — «культура», либо с образом света — «просвещение». Эта цепь культуры и просвещения охватывает всю землю, от края до края» [4, 244].

языка» В. И. Даля лексема «культура» отмечалась как заимствование из французского; в первом значении — «обработка и уход, возделывание, возделка», во втором — «образование, умственное и нравственное». Как отмечает Сугай, слово это не встречается, например, ни у Добролюбова, ни у Писарева, ни у Чернышевского [8]. Однако, именно начиная с конца шестидесятых и семидесятых и особенно в восьмидесятые — в годы формирования Чехова — понятие «культура» получает, наконец, широкое распространение. Характерно, что говоря о культуре, Андрей Белый цитирует Вильгельма Вундта («Понятие о культуре в высшей степени сложно», — говорит в своей «Этике» Вундт» [1, 48]), труды которого появились в русском переводе в 1887–88 гг.

Парадоксальным образом интерес к «культуре» возникает в России одновременно с сословным изменением русского образованного общества и с возникновением интеллигенции как особой социальной группы. Следует отметить, что уже П. Д. Боборыкин не отождествлял интеллигенцию только с «работниками умственного труда». Именно это почти отождествление интеллигенции и культуры находим в его негодующем отклике на «Вехи» с их критикой интеллигенции: «Интеллигенция, в данном случае *русская* интеллигенция, состояла и состоит из людей высшей умственной и *этической* культуры, но есть несколько основных начал, которых она всегда держалась» [3, 205]. Но при этом характерно, что он отмечал только этические и идейные аспекты культуры, но не эстетические («признание науки», «сочувственное отношение ко всем

высшим приобретениям культуры», «требование гражданской свободы», «демократизм», «Защита свободы совести» [3, 205]).

Однако, хотя интеллигенция и утвердила себя как русский морально-этический феномен, она не только противопоставляла себя просто людям образованным, но и порой относилась почти враждебно к эстетической составной культуры. В этом смысле критика интеллигенции авторами «Вех», с которой так яростно полемизировал Боборыкин, весьма симптоматична (и во многом совпадает с позицией Чехова). Именно на отсутствие эстетического момента явно указывает С. Л. Франк в своей статье «Этика нигилизма»:

«Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента, <...> и, во всяком случае, всегда приносятся в жертву моральным ценностям. <...> Ещё слабее, пожалуй, еще более робко, заглушенно и неуверенно звучит в душе русского интеллигента голос совести эстетической. В этом отношении Писарев <...> и вся писаревщина <...> это буйное восстание против эстетики, были не просто единичным эпизодом нашего духовного развития <...> Эстетика есть ненужная и опасная роскошь, искусство допустимо лишь как внешняя форма для нравственной проповеди <...> — таково верование, которым в течение долгих десятилетий было преисполнено наше прогрессивное общественное мнение» [9, 82–83].

М. О. Гершензон также негодует по поводу полного отсутствия уважения к форме и эстетике среди интеллигенции:

«Полвека толкуются они на площади, голося и перебраниваясь. Дома — грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до

этого... А в целом интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения: ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внешнем; <...> праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности» [5, 72].

Но и Достоевский отмечает склонность русского интеллигента презирать форму. Герой его романа «Игрок» очень страстно настаивает на особом скептическом отношении русского (в данном случае явно не аристократа и не простолюдина) к форме:

«русские слишком богато и многосторонне одарены, чтоб приискать себе приличную форму. Тут дело в форме. <...> Это только у французов и, пожалуй, у некоторых других европейцев так хорошо определилась форма, что можно глядеть с чрезвычайным достоинством и быть самым недостойным человеком. Оттого так много форма у них и значит. Француз перенесет оскорбление, настоящее, сердечное оскорбление и не поморщится, но щелчка в нос ни за что не перенесет, потому что это есть нарушение принятой и увековеченной формы приличий. Оттого так и падки наши барышни до французов, что форма у них хороша» [6, 230].

Здесь очевидно, однако, что русская бесформенность и пренебрежение внешними правилами приличия в противовес западной приверженности к форме и эстетическому началу воспринимается героем романа почти как достоинство.

Но форма и уважение к приличиям и правилам поведения — как раз то, что Чехов считал составной частью культуры.

Критикуя современную ему интеллигенцию (включая своих братьев), Чехов сетует именно на отсутствие «формы» и «эстетики», которые для Чехова — в традициях немецкого понятия *Bildung* (воспитание, формирование) — были неотъемлемой частью культуры. В 1883 он пишет брату Александру:

«Воспита́й в ней хоть желудочную *эстетику*. Кстати *об эстетике*. <... > Чистое белье, перемешанное с грязным, органические останки на столе, гнусные тряпки, супруга с буферами наружу и с грязной, как Конторская ул<ица>, тесемкой на шее... — все это погубит девочку в первые же годы. На ребенка прежде всего действует *внешность*. А вами чертовски *унижена бедная внешняя форма*» (курсив мой. — С. Е.) (П 1, 89).

Чеховский фельетон «В Москве» (1891), в котором он, по его словам, «хотел изобразить кратко московского интеллигента», пародирует крайнюю его некультурность, проявляющуюся и в отсутствии глубоких знаний, и в пренебрежении внешней стороной жизни:

«Оттого, что я ничего не знаю, я совсем *некультурен*. Правда, я одеваюсь по моде, стригусь у Теодора, и обстановка у меня шикарная, но все-таки я азиат и моветон. У меня письменный стол рублей в четыреста, с инкрустациями, бархатная мебель, картины, ковры, бюсты, тигровая шкура, но, гляди, отдушина в печке заткнута женской кофтой или нет плевальницы, и я вместе со своими гостями плюю на ковер. На лестнице у меня воняет жареным гусем, у лакея сонная рожа, в кухне грязь и смрад, а под кроватью и за шкафами пыль, паутина, старые

сапоги, покрытые зеленой плесенью, и бумаги, от которых пахнет кошкой. <...> Ни мостовые, покрытые желто-бурым киселем, ни сорные углы, ни вонючие ворота, ни безграмотные вывески, ни оборванные нищие — *ничто не оскорбляет во мне эстетики*» (курсив мой. — С. Е.) (8, 501–502).

Этот фельетон можно цитировать почти целиком, потому что он описывает основные черты современного Чехову интеллигента, т. е. человека интеллигентного, но не культурного. Культура для Чехова — в традициях немецкой философии Просвещения — неразрывно связана с понятием формообразования, культивирования, воспитания. Неслучайно он использует это слово как в его изначальном значении, связанном с агрокультурой, сельским хозяйством, так и в его втором значении, относящимся к воспитанию человека. И в том, и в другом случае — это постоянная борьба с дикой природой, с варварством, борьба за цивилизацию, строительство и возделывание во всех смыслах этих слов. В отличие от своих младших современников (А. Белого, А. Блока, Н. Бердяева и многих других), которые, особенно под влиянием идей О. Шпенглера, противопоставляли культуру цивилизации, Чехов их скорее отождествляет или по крайней мере не воспринимает как понятия антонимичные. Имплицитно Чехов формулирует то, как он понимает культуру, через «исповедь» нарратора фельетона «В Москве». Культура включает в себя не только образование и вежливость в обращении, но и ремесла, гигиену и все прочие достижения европейской цивилизации:

«А между тем ведь я мог бы учиться и знать всё; если бы я совлек с себя азията, то мог бы изучить и полюбить

европейскую культуру, торговлю, ремесла, сельское хозяйство, литературу, музыку, живопись, архитектуру, гигиену; я мог бы строить в Москве отличные мостовые, торговать с Китаем и Персией, уменьшить процент смертности, бороться с невежеством, развратом и со всякою мерзостью, которая так мешает нам жить; я бы мог быть скромным, приветливым, веселым, радушным; я бы мог искренно радоваться всякому чужому успеху, так как всякий, даже маленький успех есть уже шаг к счастью и к правде» (курсив мой. — С. Е.) (8, 506–507).

Итак, мы видим, что понятие культуры здесь как бы снимает оппозицию между духовными и материальным, между аристократизмом и демократизмом, утилитарно-технической стороной жизни и сферой творчества, между вечными ценностями и прогрессом. В этом смысле понимание Чеховым культуры близко тому, как ее определяет основатель антропологии культуры и английский современник Чехова, антрополог Эдвард Б. Тайлер, для которого культура — это «сложное целое, включающее в себя знание, верования, искусство, мораль, право, традиции и прочие способности и привычки, приобретаемые человеком как членом общества» [13, 1].³

Любопытно, что один из чеховских персонажей, Шамохин (рассказ «Ариадна»), не только противопоставляет культуру интеллигенции, а прямо связывает ее и с сельским хозяйством и с концепцией возделывания:

³ "that complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society" [13, 1].

« — Пока только в деревнях женщина не отстает от мужчины, — говорил Шамохин, — там она так же мыслит, чувствует и так же усердно борется с природой во имя культуры, как и мужчина. Городская же, буржуазная, интеллигентная женщина давно уже отстала и возвращается к своему первобытному состоянию, наполовину она уже человек-зверь, и благодаря ей очень многое, что было завоевано человеческим гением, уже потеряно; <...> Эта отсталость интеллигентной женщины угрожает культуре серьезной опасностью» (курсив мой. — С. Е.) (9, 130).

В повести «Моя жизнь» доктор Благово сетует на отсутствие культуры, но при этом очевидно, что культура для него вовсе не отождествляется с образованием, с нравственными ценностями, или даже с высшим классом:

«Мало ли чего не выдумала новая литература! Она выдумала еще каких-то интеллигентных тружеников в деревне, а у нас обыщите все деревни и найдете разве только Неуважай-Корыто в пиджаке или в черном сюртуке, делающего в слове "еще" четыре ошибки. Культурная жизнь у нас еще не началась. Та же дикость, то же сплошное хамство, то же ничтожество, что и пятьсот лет назад» (курсив мой. — С. Е.) (9, 230).

И далее: «Старики утешают себя, что если теперь нет ничего, то было что-то в сороковых или шестидесятых годах; <...> Начало Руси было в 862 году, а начала культурной Руси, я так понимаю, еще не было» (9, 258). Но и сам доктор Благово, которого рассказчик, Мисаил, считает лучшим представителем русской интеллигенции, все же в глазах рассказчика еще

не вполне является человеком культуры именно из-за недостатка воспитания, уважения к «форме»:

«Тем не менее все-таки этот самый образованный и лучший человек в городе далеко еще не был совершенством. В его манерах, в привычке всякий разговор сводить на спор, в его приятном теноре и даже в его ласковости было что-то грубоватое, семинарское, и когда он снимал сюртук и оставался в одной шелковой рубаше или бросал в трактире лакею на чай, то мне казалось всякий раз, что культура — культурой, а татарин все еще бродит в нем» (9, 231–232).

Культура для Чехова является именно «строительством», возделыванием души, которое проявляется не только в образовании, но в уважении к эстетической стороне жизни и культивировании определенного кодекса поведения, который он детально излагает в известном письме 1886 года брату Николаю (П 1, 221–225). Но культура — это и прежде всего «возделывание места» в буквальном смысле этого слова, т. е. обработка, окультуривание земли и места обитания, внимательное и бережное отношение к этому месту. Именно поэтому в произведениях Чехова довольно часто встречаются ссылки на «азията», «татарина» или «печенега», которые для него ассоциируются с кочевым образом жизни, отсутствием оседлости, а потому и недостатком «культуры» в смысле комфортного цивилизованного уклада жизни. Характерно, что «печенегами» в повести «Моя жизнь» жена рассказчика Мисаила называет крестьян, которые раздражают ее своими привычками и бранью: «Дикари! Печенеги!» (9, 253). Но «печенегам» Чехов посвящает целый рассказ, в котором «печенегом» оказывается помещик, неспособный

держат свое хозяйство в порядке и «возделывать» свое «место»: «Проехали верст восемь, и вдали показался невысокий дом и двор, обнесенный забором из темного плитняка; крыша на доме зеленая, штукатурка облупилась, а окна маленькие, узенькие, точно прищуренные глаза. Хутор стоял на припеке, и нигде кругом не было видно ни воды, ни деревьев. Назывался он у соседей-помещиков и у мужиков “Печенегов хутор“» (9, 326). Этот некультуренный дом как бы приобретает качества кочевника с раскосыми глазами («окна маленькие, узенькие, точно прищуренные глаза»). В нем царит полное запустение: «комнаты душные, с низкими потолками и со множеством мух и ос <...> здесь же под скамьями сидели на яйцах гусыни и индейки, и здесь же находились постели Любови Осиповны и ее обоих сыновей» (9, 327). В своей критике уклада жизни тех, кто мог бы считать себя представителями интеллигенции, Чехов указывает на связь культуры с земледелием (а потому так и важны для Чехова деревья, отсутствие которых он связывает с отсутствием культуры), а также со всякого рода облагораживанием человеческого быта. Ср. описание быта даже вполне обеспеченных людей в повести «Моя жизнь»: «И как жили эти люди, стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочного оркестра; городская и клубная библиотеки посещались только еврейскими подростками, так что журналы и новые книги по месяцам лежали неразрезанными; богатые и интеллигентные спали в душных, тесных спальнях, на деревянных кроватях с клопами, детей держали в отвратительно грязных помещениях, называемых детскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали в кухне на полу и укрывались лохмотьями» (9, 205). Из этого описания

ясно, что культура включает не только музыку, искусство, театр, литературу, но и наличие «сада», удобных и просторных помещений, гигиены, комфорта, уважения к человеческому достоинству. Культура для Чехова включает в себя все достижения цивилизации: «В женщинах я прежде всего люблю красоту, а в истории человечества — культуру, выражающуюся в коврах, рессорных каретах и остроте мысли» (П 4, 267). Чехов не видит цивилизацию лишь как внешнюю материальную оболочку культуры, ему чужд дуализм, противопоставляющий духовное и материальное.

Именно Чехов, как никто другой, постоянно стремился к окультуриванию жизни, т. е. воспитанию самого себя, близких, повышению общего уровня жизни и «возделыванию» не только почвы (а мы знаем, как он сам увлекался садоводством, как часто с осуждением писал об укладе жизни, при котором отсутствует интерес к высаживанию деревьев, лесов и цветов), но и личности. Именно Чехов как бы окультуривает русского интеллигента. Любопытно, что хотя Михаил Александрович Членов [11], который к двухлетней годовщине со дня смерти Чехова пишет очерк «Чехов и культура», и позднее Корней Чуковский [12] отмечают особую тягу Чехова к самовоспитанию, далеко не все его современники вполне оценили вклад Чехова именно в создание культуры не в смысле литературного творчества, а в смысле осмысления самих понятий «культура» и «культурный человек». Хотя категория «культура» интенсивно обсуждалась в российской и западной общественности, очевидно, что даже к началу 20 века не было консенсуса по поводу того, что же, собственно, следует понимать под словом

«культура». Известно, что русские религиозные философы XX века Н. А. Бердяев (1874–1948) и П. А. Флоренский (1882–1943) считали его производным не столько от лат. *colere*, указывающего на изначальную связь понятия с земледелием, но от *cultus* («культ»), то есть, соотносили понятие «культура» с религией, духовной сферой. Так, Бердяев настаивает не только на сакральных истоках культуры, но и на ее сущностном аристократизме:

«Культура и цивилизация — не одно и то же. Культура родилась из культа. Истоки ее — сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. <...> Культура благородного происхождения. <...> Культура символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. <...> Цивилизация не имеет такого благородного происхождения. <...> В ней нет связи с символикой культа. Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура всегда идет сверху вниз, путь ее аристократический. Цивилизация идет снизу вверх, путь ее буржуазный и демократический» [2, 248].

Чехов в письме С. Дягилеву (30 декабря 1902), напротив, подчеркивал секуляризованный характер культуры в противоположность чисто религиозному ее пониманию: «Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором вы пишете, — само по себе, а вся современная культура — сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет

продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет» (П 11, 106). Более того, понятие культуры для Чехова глубоко демократично именно потому, что оно оставляет свою глубинную связь с агрикультурой, возделыванием и той самой борьбой с природой, которую Бердяев приписывает цивилизации в противоположность культуре. Для Чехова культура и цивилизация едины.

Любопытно, что Дмитрий Мережковский в 1909, отмечая необычайную склонность России к крайностям, говорит о Тургеневе как «гении культуры», но ни словом не упоминает Чехова:

«В России, в стране всяческого, революционного и религиозного, максимализма, стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не единственный, после Пушкина, *гений меры*, и, следовательно, гений культуры» [7, 58].

Парадоксально, что Мережковский называет гением культуры Пушкина (в словаре которого это слово даже не встречается) и Тургенева, а Чехова обходит молчанием, потому что «мера» для него была аристократической ценностью, и он не сумел увидеть ее в писателе, который был представителем среднего класса, но который в своем творчестве и в своей жизни стремился к снятию самых разных оппозиций, включая оппозицию между культурой и цивилизацией, стремился к созданию «культурного человека», который сочетал бы в себе аристократизм с демократизмом, а следовательно был воистину русским «гением культуры».

Литература

1. Белый Андрей. Критика, эстетика, теория символизма: В 2-х томах. Т.1 / А. Белый — М.: Искусство, 1994. — 478 с.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства. / Н. А. Бердяев. — М.: ИМА-пресс, 1990. — 286 с.
3. Боборыкин П. Д. Подгнившие «Вехи». / П. Д. Боборыкин // Вехи: Pro et contra. Антология. — Санкт-Петербург: Издательство русского христианского гуманитарного института, 1998. — С. 201–207.
4. Гердер Иоганн Готфрид. Избранные сочинения / И. Г. Гердер — М.: Художественная литература, 1959. — 392 с.
5. Гершензон, М.О. Творческое самосознание / М.О. Гершензон // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. — М.: Типография В. М. Саблина, 1909. — 70–97.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. / Ф. М. Достоевский — Ленинград: Наука, 1973.
7. Мережковский Дмитрий. Полное собрание сочинений: 24 т. Т.18 / Д. Мережковский — М.: Типография И.Д. Сытина и К., 1914.
8. Сугай, Л. А. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России начала века (Велланский, Пушкин, Гоголь, символисты) [Электронный ресурс] / Л. А. Сугай. — Режим доступа: <http://mirznanii.com/a/131047/terminy-kultura-tsvivilizatsiya-i-prosveshchenie-v-rossii-xix-nachala-xx-veka-vellanskiy-pushkin-gogol-simvolisty>. — Название с экрана.
9. Франк С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) / Сочинения — М.: Правда, 1990.

10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М.: Русский язык, 1999.

11. Членов М. А. Чехов и культура / А. М. Членов // Чехов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1952. — С. 465–467.

12. Чуковский Корней. Чехов. / К. Чуковский — М.: Правда, 1960.

13. Tylor E. B. Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, art, and custom / E. B. Tylor. — New York: Gordon Press, 1974.

14. Velkley, Richard L. The Tension in the Beautiful: On Culture and Civilization in Rousseau and German Philosophy // Being after Rousseau: Philosophy and Culture in Question. / R. L. Velkley. — Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Аннотация. В статье рассматривается отношение Чехова к проблеме культуры и взаимоотношение понятий «культура» и «интеллигенция». Интерес к «культуре» возникает в России одновременно с сословным изменением русского образованного общества и с возникновением интеллигенции как особой социальной группы. Однако, в отличие от интеллигенции, для Чехова культура в первую очередь означает формирование, воспитание, «возделывание». Он использует это слово как в его изначальном значении, связанном с агрикультурой, сельским хозяйством, так и в его втором значении, относящемся к воспитанию человека, и не противопоставляет культуру цивилизации. Чехов не видит цивилизацию лишь как внешнюю

материальную оболочку культуры, ему чужд дуализм, противопоставляющий духовное и материальное. Для Чехова культура подразумевает «возделывание» души, которое проявляется не только в образовании, но и в уважении к эстетической стороне жизни и всем достижениям «цивилизации».

Ключевые слова: культура, интеллигенция, А. П. Чехов, Д. П. Боборыкин, «Вехи», форма, эстетика, «В Москве», цивилизация.